

Один из разделов третьей главы монографии посвящен отражению смеховой культуры в монгольской фольклорной традиции. Анализ лексики, отображающей различные оттенки смеха, изучение терминологического корпуса, семантики смеха, его разновидностей (юмористический и сатирический) дает основание определить высокий уровень смеховой культуры, многообразие эстетических чувств, остроту ума и оригинальность суждений монгольского народа.

Третья глава включает также раздел «Иносказание в монгольском поэтическом фольклоре», посвященный одному из обязательных элементов монгольской культуры и древних анимистических воззрений. Объясняя природу иносказаний, автор обращается к анализу традиционной обрядности монголов. Наличие «иноговорения» в свадебных и похоронных обрядах, во время охоты, перекочевков, в обращении с детьми, гостями, животными связывается с продуцирующей магией слов, со стремлением человека обезопасить себя от внешнего, неизвестного и потому опасного, мира. Рассмотрев жанрообразующие функции иносказаний, И.В. Кульганек приходит к выводу, что в основе загадок лежат слова-заместители, тематический состав которых определен «культурой, поэтической традицией, каноном». Анализ лексических элементов, выступающих в роли слов-заместителей, позволил исследователю определить характер распределения последних в загадках: 38% — о животном и растительном мире, насекомых и птицах; 51% — о человеке и его деятельности; 7% — о духовном мире человека и 5% — о явлениях природы. Количественные показатели стали основой для обобщений, в частности, автор отмечает, что самая малочисленная тематическая группа (о явлениях природы) представляет собой наиболее древний пласт. Было бы желательно, если бы данный тезис был подтвержден и другими аргументами.

Монография И.В. Кульганек свидетельствует об обширных знаниях автора в изучаемой области, о его широкой научной эрудиции. Творческие подходы к научному осмыслению разнообразного и объемного фактического материала, комплексный характер исследования, новизна суждений и теоретическая обоснованность выводов свидетельствуют о серьезности проделанной научной

работы и о существенном вкладе, внесенном автором данной работы в развитие отечественного литературоведения и монголоведения.

Результаты научных поисков и находок И.В. Кульганек важны для будущих литературоведческих и фольклористических монголоведных исследований других ученых, а выявленные материалы являются богатой источниковедческой базой для изучения бытования, поэтики, структуры и художественных особенностей монгольского фольклора.

Е.Э. Хабунова

Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже «Брод, ведущий к удивительно благому делу» / Введение, перевод, комментарии Н.В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2008. — 312 с. (Рах Buddhica).

Рассматриваемое издание подготовлено известным бурятским ученым, специалистом по тибетской истории и тибето-монгольской археологии, хранителем тибетского и монгольского фондов ИМБТ СО РАН к.и.н. Н.В. Цыремпиловым. Оно представляет собой логическое завершение многолетней работы автора по переводу и исследованию биографии одного из самых знаменитых ученых буддистов в истории Тибета — Всеведущего Чжамьян-Шепы I (Чжамьян-Шадбы в монголизированном написании), Нгаванг Цондуя (1648–1721), автора классических учебников по различным философским дисциплинам, выдающегося йогина и ритуалиста, основателя великого монастыря Лавран Ташикыл (Дашичил в монголизированном написании), который стал главным оплотом буддийской учености в районе Амдо (Восточный Тибет).

Книга состоит из двух частей: 1) введения, в котором автор характеризует личность Чжамьян-Шепы I, текст его биографии и исторический фон эпохи, в которой ему пришлось жить; 2) перевода сочинения, которое занимает 123 листа тибетского ксилографа стандартного формата и 210 листов рукописи монгольского перевода. Русский перевод выполнен с тибетского языка, но монголь-

ский текст использовался для разъяснения некоторых сложных мест.

Введение начинается с краткой характеристики «главного героя» книги, который за широту и глубину своих знаний был прозван современниками Кункьеном (Всеведущим). Не зря Ф.И. Щербатской сравнивал его с европейским современником — В. Лейбницем. Последующие подразделы введения на высоком научно-теоретическом уровне характеризуют историю изучения источника, его структуру и значение для исследований тибетской историографии. Простое перечисление заголовков показывает продуманность структуры введения: «Историография научных исследований жизни и трудов Чжамьян-Шабды I», «Тибетские агиографии», «Об авторе произведения» (Чжамьяне Шепе II, т.е. перерождении того самого человека, чью биографию он написал), «Сведения об источнике», «Рукопись монгольской версии источника», «Агиография Чжамьян-Шабды I „Брод, ведущий к удивительно благому уделу“ как источник по политической истории Тибета и других областей Внутренней Азии».

Последний подраздел особенно интересен, поскольку показывает, как средневековый текст, написанный в строгом соответствии с требованиями агиографического жанра, может быть использован современным историком для расширения и уточнения знаний о конкретном историческом периоде. Между сообщениями о сугубо религиозных аспектах жизни Нганг Цондуя (его учеба, успехи в диспутах, встречи с различными наставниками, отшельничество, проповедническая деятельность, руководство ритуалами) то и дело проскальзывают сообщения о его участии в политической жизни Тибета в ключевой период истории страны, когда ее фактический правитель, регент Сангье Гьяцо, попытался путем ловкого маневрирования между различными военными силами в лице хошутув, джунгаров и маньчжуров отстоять свою собственную власть и вместе с тем независимость Тибета. В этой ситуации часть элиты школы гелук, включая Чжамьянг Шепу I, поставила «интересы традиции выше интересов страны» (с. 45). Желая обезопасить свою школу от возможных карательных акций со стороны маньчжурского Китая, потребовавшего выдачи Шестого Далай-ламы, Чжамьянг Шепу I настоял на этом шаге. «В выборе

между Далай-ламой как символом теократического государства и верховенством собственной традиции Чжамьян Шадба выбрал последнее. Этот шаг немедленно вызвал протесты и беспорядки на факультете, возглавлявшемся Чжамьян-Шадбой, которые в итоге были подавлены хошутами. Можно назвать эту позицию политической ортодоксией, но лишь в том смысле, что она отвечала политическим интересам гелугпы как традиции и была направлена на защиту ее верховного положения. Политика Далай-ламы V не находила поддержки у многих представителей течения желтошапочников, поскольку они могли полагать, что их традиция уже перешагнула границы тибетского государства, став явлением более глобального значения. Дальнейшее распространение традиции последователей Цзонхавы, а в их глазах и истинного учения Будды, таким образом, было напрямую связано с дальнейшей экспансией империи Цин» (там же).

Перед нами достоверная интерпретация «лакированного» пассажа из биографии:

«Однажды из Китая прибыл посланник с приглашением для кушаба Цаньян-Чжампо посетить Китай. Хан созвал на совет лам и должностных лиц [монастырей] Сэра, Брэйбун, Галдан, Верхнего и Нижнего [факультетов] Тантры.

— Будет лучше, если [Далай-лама] не поедет, — говорили все.

Владыка же сказал: „Если не отправить кушаба в Китай, то не придется ждать от императора ничего хорошего. Если же отправить [его], то это принесет пользу и делам самого кушаба, и Учению“. Тогда большинство [лам] обвинили [Владыку] в том, что [он], настоятель Романа, недолгобливает [Далай-ламу].

Драгоценный кушаб [все же] принял решение и отбыл в Китай, по дороге остановившись на постой в цаннидском саду [монастыря] Брэйбун. Несколько брэйбунских слушников непустили [его продолжить путь], а пригласив во дворец Галдан, оставили [его там].

После один-два злонамеренных человека подняли шум и беспорядок в Брайбуне, но в конце концов все успокоилось само по себе. И снова Победоносный кушаб, согласно пожеланиям императора и Лхавсана, [продолжил] путь в Китай».

В тексте не сказано ни слова о том, что Шестой Далай-лама по дороге умер. Более того, из дальнейшего повествования неосведомленный читатель ничего бы не понял об интриге с появлением второго Шестого Далай-ламы, которому протезировали маньчжуры, и потом Седьмого Далай-ламы, которого в итоге признали все тибетцы.

Говоря о второй части книги, содержащей перевод биографии, следует иметь в виду, что это сочинение не переводилось ранее ни на один европейский язык. В тексте содержится огромное количество фактической информации: имена исторических деятелей, географические названия, названия сочинений и т.д. Автору пришлось произвести колоссальный труд по идентификации этих имен и названий, и он в целом блестяще справился с задачей, что воплотилось в многочисленных сносках, в которых приводятся комментарии к большинству встречающихся имен собственных. Некоторой недоработкой можно считать разве то обстоятельство, что иногда автор оставляет в тексте латинскую транслитерацию названий тех или иных сочинений, не делая попытки их перевода на русский язык. Кроме того, изредка в комментариях обнаруживаются небольшие неточности. Так, например, разъясняя термин «blo ttags», объединяющий два предмета внутри курса праманы — лорик и такрик, — автор пишет о них, что это «дисциплины... связанные с изучением буддийской логики и эпистемологии соответственно» (с. 89), в то время как предметом лорик является теория познания (эпистемология), а предметом такрик — теория силлогизма. Стоит отметить, что в другом месте (с. 166), комментируя термин «прамана», Н.В. Цыремпилов определяет весь этот предмет как эпистемологию, что, очевидно, не вполне корректно и входит в противоречие с первым высказыванием.

Русский перевод сочинения, учитывая его сложность и смысловую насыщенность, следует признать очень качественным с научной точки зрения. Текст при этом читается достаточно легко, исключая отдельные пассажи, объективно перегруженные специфической информацией. Читатель, без всякого сомнения, может ощутить особую атмосферу произведения средневекового тибетского автора, для которого сны, предсказания, гадания и т.д. имеют такое же значение, как и реальные

действия объекта повествования. Очень интересны яркие полемические вкрапления, особенно касающиеся представителей дацана Лосэл-линг, исторически соперничающего с дацаном Гоманг, к которому относился Чжамьянг Шепа I. Первые неизменно изображаются недостаточно образованными, слабыми диспутантами, ими движет себялюбие. Лишь один из них характеризуется с положительной стороны, поскольку он был учеником и почитателем Чжамьянг Шепы I, и все же он описан как человек не великого ума.

При всех несомненных достоинствах русского текста, к нему все же можно предъявить некоторые претензии с точки зрения литературного перевода, особенно это касается поэтических фрагментов, которые встречаются в заключении к каждой из десяти глав и иногда внутри них. Представленный Н.В. Цыремпиловым прозаический перевод этих стихов, сложенных в традиционном орнаментальном стиле, заимствованном тибетцами из индийской поэтики, безусловно, передает многие стилистические особенности оригинала, но все же далеко не всегда безупречен в художественном отношении. В качестве примера можно привести заключительные стихи главы 7, в которой я выделил подчеркиванием не вполне удачные, на мой взгляд, слова и обороты:

«В час, когда Ты, сияющий великолепием двух собраний и обладающий тысячью глаз, наблюдающих за всеми дхармами, великий друг и владыка богов, воссел на великий неустрашимый трон Учения в радостной небесной обители на вершине горы, еще в древности собранной из драгоценностей, сто счастливых богов овладело счастьем неустрашимости перед враждебными асурами. Ты, великий лев слова, хозяин снежных ущелий искусных рассуждений, наводишь трепет на всех надменных зверей. Не увидев молочный океан [Твоего] светлейшего лика с белейшей лotosовой улыбкой, нельзя взрастить свой ум великолепием нектара проповедей. Поэтому стаи мудрых белых гаруд следуют за Твоими стопами, спеша поклониться [Тебе].

С неба, затуанного тучами милосердия, слышатся удары грома благой проповеди и смех шуршащего дождя, волнующие океан Учения Могушественного. Золотое колесо благих проповедей с тысячами спиц исследования движется в центр четырех материков

верующих, овладевая всеми землями Учения Могущественного. Твои слова, Всеведущий Вращающий Колесо Учения сутр и тантр, миллионы подвластных ученых и практиков трех миров ставят во главу угла!» (с. 204).

Надо признать, что в смысле выработки принципов художественного перевода тибетской литературы мы по-прежнему стоим в начале пути. Полагаю, впрочем, что в любом случае стоит избегать в переводе оборотов, которые хотя и точны в отношении оригинального текста, однако могут вызвать улыбку у читателя, не знакомого с образной системой тибетской поэтики, как, например, следующая фраза:

«[И вот,] этот гусь, исполненный отваги бодхисаттвы, не спеша летит к океану Уя и Цзана, дабы принять угощение нектаром благой проповеди» (с. 80). Полагаю, сноска, говорящая, что «гусь в традиционной тибетской литературе является символом чистоты и святости», не сильно спасает положение.

Не могу также не пожалеть о том, что во введении автор не уделил особого внимания стилистике стихотворных фрагментов и вообще стилистике произведения. Пожалуй, это единственный методологический упрек, который я мог бы адресовать автору.

Особая ценность издания, на мой взгляд, состоит в том, что оно впервые позволяет из первых рук, а не из общих описаний, в деталях проследить за перипетиями жизни тибетского монаха, достигшего высочайшего положения исключительно за счет собственных выдающихся умственных качеств, а не за счет того, что он был признан перерождением какого-нибудь ламы. Перед нами разворачивается вся жизнь этого человека с детства и до самой смерти, мы вместе с ним проходим через ее этапы, как типичные для всех тибетских монахов, так и особые, характерные только для высших из них.

Таким образом, благодаря работе Н.В. Цыремпилова в распоряжении отечественных исследователей и просто интересующихся читателей оказался один из наиболее известных образцов тибетской биографической литературы, позволяющий глубже проникнуть в историю и культуру тибетцев. Можно сказать, что книга Н.В. Цыремпилова является достойным продолжением трудов знаменитых представителей российской буддологии, тибетологии и монголистики первой

трети XX в., прежде всего А.И. Вострикова (1904–1937), на чей классический труд по тибетской исторической литературе он неоднократно ссылается. Так восстанавливаются нити, бессмысленно оборванные много лет назад.

А.В. Зорин

И.Р. Гарри. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX — начало XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009, 320 с.

Рассматриваемая монография является важнейшей работой по современной истории Тибета. Она основана на большом количестве источников на китайском и английском языках, включая малоизвестные архивные материалы (эти источники подробно охарактеризованы во введении к книге). Ценные сведения автор, И.Р. Гарри, занимающаяся проблемами современного социально-экономического положения Китая, прежде всего его национальных окраин, получила также в ходе нескольких поездок по тибетским регионам КНР, Непалу и Индии.

В своей книге И.Р. Гарри обстоятельно анализирует основные события тибетской истории начиная с конца 1940-х гг., когда Народно-освободительная армия коммунистического Китая заняла восточные регионы территории, традиционно населенные тибетцами, и вплотную подошла к границам Центрального Тибета, контролировавшегося правительством Далай-ламы. Периодизация этих основных событий соответствует первым пяти главам книги: «Инкорпорация Тибета в состав КНР (1949–1951)», «Исполнение Тибетом и Китаем Соглашения из 17 пунктов (1951–1959)», «„Демократические“ реформы в Тибете (1959–1966)», «Культурная революция (1966–1976)», «Реформы в Тибете: стабильность и/или развитие? (1976–2001)».

В первой главе И.Р. Гарри убедительно показывает, что подписание в 1951 г. Соглашения из 17 пунктов, которое «впервые в истории однозначно определило статус Тибета как части Китая», было неизбежным. В ситуации, когда китайская армия была готова в любой момент начать наступление на Центральный Тибет, а мировые державы, на помощь которых рассчитывали тибетцы (Великобри-